

изготовившего нашу герму, или в самом Херсонесе, хоть и очень медленно и элементарно, все же невольно впитывали влияние греческих очертаний и греческих идей. Поэтому стиль изображения нашей гермы много выше стиля вотивных фигурок из урочища Мал-муз. Герма может быть надгробным памятником, если она достаточно велика, но может быть символом этого памятника — амулетом, если она миниатюрна, как наша. В могилах херсонесского некрополя римского времени найдено несколько маленьких костяных герм-подвесок, имеющих также расширяющееся книзу основание и плоское лицо. Сзади них имеются дырочки для подвешивания¹.

Есть еще одна особенность у нашей гермы — это собранные как бы в косу волосы на затылке. Опять-таки для Херсонеса это не единственный случай.

Среди находок из херсонесского некрополя римского времени имеются миниатюрные пастовые гермы местной работы с косами². Затем, так называемый «бронзовый идол» с заплетенными сзади в косу волосами³. И, наконец, в раскопках 1905 г. найдена мраморная плита с изображением гермы с косами, спускающимися по плечам⁴. Время этих памятников ограничено рамками I—IV вв. н. э. Датировочным элементом здесь служат многие факты: нумизматический и керамический материал, металлические изделия — пряжки, фибулы, браслеты, янтарные и пастовые бусы, т. е. все то, что характеризует языческий некрополь первых веков н. э. в отличие от некрополя христианского времени. С распространением в конце IV в. христианства с присущей ему новой символикой и новыми ритуальными памятниками языческие гермы в Херсонесе и на Боспоре исчезают совершенно и в период даже раннего средневековья уже не известны.

Таким образом, каменная пирамидальная герма Исторического музея является последним этапом в круге ритуальных памятников, связываемых с таврами. Время их — период тесной связи тавров с греческими городами — падает, как показывают упоминающие тавров надписи, на VI в. до н. э. — II—III вв. н. э. В конце этого периода тавры, повидимому, окончательно сливаются с все более и более интенсивно вторгающимися в их пределы племенами скифов и сармат и окончательно перестают существовать как определенный народ с определенным типом материальной культуры.

Н. В. Пятышева

Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья

Культурные связи между народами, населявшими Среднюю Азию и Приуралье, можно проследить с глубокой древности.

Хотя говорить о связях Средней Азии и Приуралья в эпоху палеолита пока нет оснований вследствие слабой изученности и редкости находок палеолитического времени в обоих районах, следует все же отметить одно очень интересное обстоятельство: палеолитические памятники Приуралья (главным образом Островская стоянка) по типам орудий труда ближе к сибирским памятникам того же времени, чем к западно- и восточноевропейским. Анализ орудий труда Островской стоянки показывает их большое сходство с орудиями палеолитических стоянок Сибири, от которых ее отделяет

¹ ОАК за 1908 г., СПб, 1912, рис. 130, стр. 105; ОАК за 1891 г., СПб, 1893, рис. 140, стр. 138.

² ИАК, вып. 16, СПб, 1905, стр. 32; ОАК за 1903—04 гг., СПб, 1906, стр. 67, 79; Херсонесский сб., вып. II, стр. 154 Симф., 1932.

³ ОАК за 1891 г., СПб, 1893, стр. 45.

⁴ ОАК за 1905 г., СПб, 1908, стр. 45; ИАК, вып. 25, СПб, 1907, стр. 155.

Уральский хребет и гораздо более значительное расстояние, чем от более близких территориально Карачаровской и Воронежских стоянок.

Для эпохи неолита мы имеем уже некоторые основания говорить о культурной общности между древним населением Средней Азии и Приуралья, хотя о заселении обоих районов в неолитическое время мы имеем лишь фрагментарные данные.

Несмотря на большое количество каменных орудий, происходящих с Урала и из бассейна Камы и давно известных в науке, до сих пор неизвестны ни поселения, ни могильники, относящиеся к эпохе неолита, кроме самых поздних ее моментов, вернее, времени перехода к металлу (так наз. энеолита). Несколько лучше дело обстоит в некоторых районах Средней Азии.

В послереволюционные годы были открыты памятники истории Средней Азии, восходящие, по видимому, к ранним этапам неолита. Сюда относятся находки стоянок первобытных бродячих охотников на территории Туркменской ССР¹. Древние охотники употребляли орудия микролитического типа, близкие к тем, которые характеризуют в Европе переход от палеолита к неолиту. Такие стоянки были открыты в нескольких пунктах Каракумской пустыни (Кзыл-тапыр в Центральных Каракумах, Дуз-Юзи на берегу Каспийского моря и др.)¹. Многочисленные находки микролитов на территории Северной Киргизии (с Кара-Тау, из Бетпадала) дают основание говорить о том, что люди, населявшие Северную Киргизию, в частности Чуйскую долину, прожили здесь стадию неолита². Очень интересно было бы сравнить микролитические памятники Средней Азии и Нижнего Поволжья, но следует отметить, что орудия микролитического типа могут относиться и к более позднему времени, так как они встречались в инвентаре памятников эпохи бронзы, и поэтому среднеазиатские стоянки с микролитами и аналогичные коллекции, хранящиеся в музеях, нуждаются в специальном изучении.

Работами Хорезмской экспедиции ИИМК 1938 — 1940 гг. на землях древнего орошения были открыты памятники древности неизвестного раннее типа, относящиеся к неолитической, бронзовой и раннежелезной эпохе. Из них особенно интересны остатки поселения древних рыбаков и охотников, находившегося недалеко от селения Кельтеминар³. Здесь было открыто большое наземное коллективное жилище овальной формы с большим очагом в центре, где горел неугасимый огонь. Внутри жилища и в округ него в культурном слое были найдены орудия труда из камня, кости диких животных и обломки глиняной посуды. Однотипные находки были сделаны и в некоторых других местах, что дало возможность исследователю древнего Хорезма С. П. Толстову установить существование особой кельтеминарской культуры. Анализ каменных орудий, глиняной посуды и других предметов этой культуры позволяет включить ее в комплекс степных культур энеолита Восточной Европы и Северо-западной Азии и найти ее ближайшие аналогии в Афанасьевской культуре Зап. Сибири и древнеямной культуре Восточной Европы. Влияние культуры крашеной керамики типа Анау прослеживается в кельтеминарской посуде слабо. Вместе с тем изучение остатков

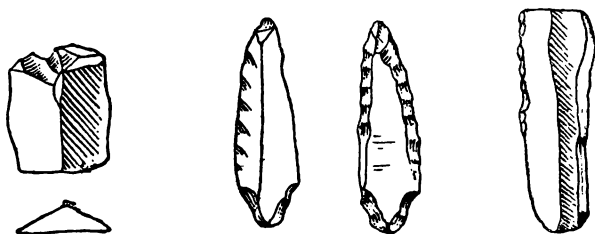

Рис. 1. Каменные орудия Левшинской стоянки, аналогичные кельтеминарским.

¹ Д. И. Щ е р б а к о в, Отчет о работах Каракумской серной экспедиции осенью 1926 г. «Серная проблема в Туркменистане», сб. II, 1928, стр. 34.

² А. Н. Б е р н ш т а м, Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 19.

³ С. П. Т о л с т о в, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1, стр. 155.

кельтеминарского родового жилища с неугасимым огнем в центре позволяет говорить о большом архаизме вновь открытой культуры и датировать ее III тысячелетием до н. э. Таким образом, она несколько старше Афанасьевской культуры, датируемой началом II тысячелетия до н. э. и имеющей следы развитого скотоводства и металлургии.

В одном из погребений Афанасьевского могильника, расположенного в центре Минусинской котловины, найдены раковины двусторчатого моллюска (*Corbicula fluminalis*). Раковины лежали в области шеи, запястья и лодыжек. *Corbicula fluminalis* из в стна из третичных отложений под Омском. В настоящее время ближайшее к Минусинскому краю место, где этот моллюск встречается,—это дельта Аму-дарьи. Трудно предполагать, что афанасьевцы употребляли некрасивые окальцинированные белые раковины третичного периода для украшения. Вероятнее, что их привлекали красивые свежие раковины, внутренняя поверхность которых — перламутровая, сиреневого цвета, а наружная — зеленая. Кроме того, хорошо отшлифовать и просверлить можно только свежую раковину. Наличие раковин *Corbicula fluminalis* в Афанасьевском могильнике является, таким образом, одним из доказательств культурных связей населения древнего Хорезма с населением Минусинской котловины.

Афанасьевская культура, повидимому, не распространялась к востоку от Минусинского края. Что же касается распространения ее на Запад, то обломки глиняной посуды афанасьевского типа известны с р. Оби из районов Бийска, Барнаула и Семипалатинска. В работе о древних погребениях Минусинского края¹ С. А. Теплоухов указывал также на большое сходство с афанасьевской керамикой обломков сосудов, происходящих из б. Закаспийской области, но вследствие очень небольшого количества материала не делал никаких заключений. Сходство кельтеминарской глиняной посуды с афанасьевской, установленное исследователем Хорезма С. П. Толстовым, придает наблюдениям С. А. Теплоухова большую важность. На основании их можно говорить о непрерывном распространении керамики афанасьевского типа от Минусинской котловины до Хорезма, а следовательно, и о древних связях Средней Азии с Западной Сибирью в эпоху энеолита.

Отмечая эти связи, С. А. Теплоухов в работе «Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края»² высказал предположение, что медно-бронзовая культура проникла в Сибирь из иранского мира. В докладе о неолитических памятниках как источниках по этногонии Сибири и Дальнего Востока А. И. Окладников³ приходит к следующим выводам:

1. Афанасьевская культура чужда лесному сибирскому неолиту.
2. Афанасьевская культура предстает перед нами с чертами высокого развития у афанасьевцев имеются лошади, коровы, овцы; они знают металл (ножи с черенками, медные оковки для сосудов).
3. В инвентаре этой культуры обращают на себя внимание чуждые элементы, особенно восточные: раковины *Corbicula fluminalis*, куриленки ямно-катакомбного типа, роспись на сосудах. Сюда же, вероятно, входят развитое скотоводство и довольно развитая техника обработки металлов. С какими культурами и племенами были связаны европеиды — носители Афанасьевской культуры, можно судить как по следам ямно-катакомбной культуры в степях юга России и на Сев. Кавказе, так, в особенности, по вновь открытой кельтеминарской культуре в Хорезме.

Но не меньшее сходство имеет кельтеминарская стоянка с поздненеолитическими поселениями Прикамья и особенно с открытой и исследованной А. В. Шмидтом Лев-

¹ С. А. Теплоухов, Древние погребения Минусинского края, «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 72.

² С. А. Теплоухов, «Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, 1929.

³ А. И. Окладников, «Неолитические памятники, как источники по этногонии Сибири и дальнего Востока», «Краткие сообщения ИИМК», в. IX, стр. 5.

шинской стоянкой, находящейся близ ст. Левшино Молотовской обл.¹. Последняя расположена так же, как и Кельтеминарская, на дюнном всхолмлении в районе устья р. Чусовой при впадении в нее речки Банной. В таких же условиях расположены и другие древние стоянки района устья р. Чусовой, относящиеся примерно к тому же времени как и Левшинская стоянка². Мелкие кремневые орудия микролитовидного типа, большое количество ножевидных пластинок, наконечники стрел на ножевидных пластинках типичны как для Кельтеминарской, так и для Левшинской стоянок, столь удаленных друг от друга территориально. Последняя датируется найденным во время раскопок медным ножом катакомбного типа, который указывает на древние связи Прикамья с югом России и который А. В. Шмидт считал привозным. Согласно датировке А. В. Шмидта (конец

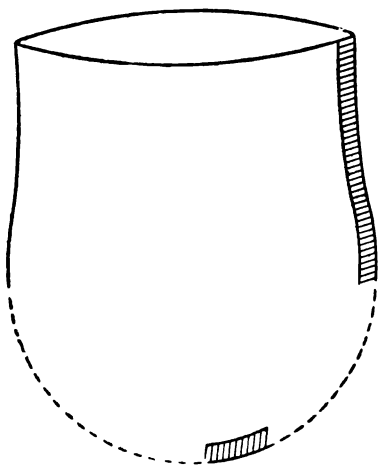

Рис. 2. Глиняный сосуд из раскопок Левшинской стоянки

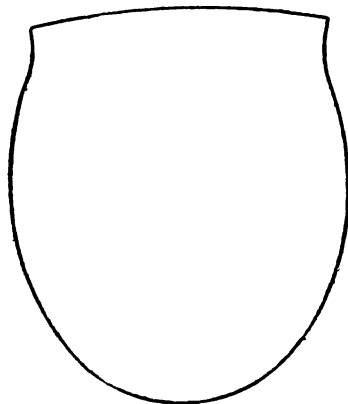

Рис. 3. Глиняный сосуд из Анау

III и начало II тысячелетия до н. э.), Левшинская стоянка несколько моложе Кельтеминарской, и ее отличие от последней заключается в наличии среди орудий труда, наряду с мелкими формами, типичными для обеих стоянок, крупных форм, отсутствующих в инвентаре Кельтеминарской стоянки. Кроме того, левшинская керамика, входящая вместе с кельтеминарской в круг распространения гребенчатой керамики Евразии, тоже отличается своеобразием, что вполне естественно для таких удаленных друг от друга памятников; она — иная и по составу глиняного теста и по наличию плоскодонных сосудов, которых нет в Кельтеминарской стоянке, хотя основная масса посуды обеих стоянок — круглодонная.

Другие поздненеолитические (или энеолитические) стоянки района устья Чусовой (у дер. Нижнее Адищево, у дер. Подстрелка и др.) расположены в аналогичных условиях — на небольших возвышенностях, чаще всего на дюнах у водоемов, и представляют собой остатки поселений охотников-рыболовов, как и Левшинская, и относятся примерно к тому же времени. К сожалению, эти стоянки в настоящее время сильно разрушены и дали несравненно меньше материала для изучения, чем Левшинская.

¹ А. В. Ш м и д т, Левшинская стоянка, «Советская археология» № 5, М.—Л., 1940.

² Н. А. П р о к о ш е в, К вопросу о поздне-неолитических памятниках Уральского Прикамья. «М-лы по археологии СССР» вып. 1.

Следует отметить также, что среди керамики нижнего слоя Анау также имеются формы, близкие к левшинским (ср. сосуд № 2 табл. 5 в книге Pumpely¹ с реконструкцией сосуда с Левшинской стоянки — рис. 19 на стр. 19 работы Н. А. Прокошева в I томе «Материалов и исследований в СССР»).

Таким образом, мы видим, что в эпоху позднего неолита (или, вернее, энеолита) между памятниками Средней Азии и Прикамья можно проследить некоторую культурную общность, которая выражается в сходстве орудий труда, а также в том, что обе эти столь далекие друг от друга области входили в одну и ту же крупную группу древних культур Евразии, для которой характерна так наз. гребенчатая керамика—глиняная посуда, имеющая на внешней поверхности сосудов узоры, нанесенные при помощи гребенчатого (или зубчатого) штампа. При этом Кельтеминарская стоянка является, повидимому, наиболее древней из всех поселений этой группы. Для более углубленного и детального освещения этого вопроса пока еще нет достаточно материала, особенно среднеазиатского.

Культурная общность между древним населением Средней Азии и Приуралья, отмеченная для времени энеолита, не прерывалась и в эпоху бронзы. Напротив, для последней мы можем отметить расширение и углубление этой общности, хотя, может быть, это следует отнести за счет несколько большей изученности памятников эпохи бронзы интересующих нас районов, чем древностей энеолита. Особенно интересны результаты работ последних лет.

Работами Хорезмской экспедиции ИИМК 1939—1940 г. на территории Хорезма в зоне земель древнего орошения были открыты 2 неизвестные до сих пор в науке культуры, относящиеся к эпохе бронзы—Тазабагыбская, датируемая исследователем (С. П. Толстовым) X—XI вв. до н. э., и—несколько более поздняя—Амирабадская. Для Тазабагыбской культуры характерна грубая плоскодонная глиняная посуда с орнаментом из углов и треугольников, расположенных в верхней части сосудов и нанесенных или гребенчатым штампом или движением острого предмета. По форме и орнаменту эта посуда близка к широко известной керамике срубно-андроновского типа, распространенной в II тысячелетии до н. э. в степях Западной Сибири и Восточной Европы. Остатки поселений Андроновской культуры Сибири и Срубной культуры Поволжья были раскопаны целым рядом исследователей, и результаты их работ широко известны в специальной литературе.

Не вдаваясь в детальный анализ глиняной посуды бронзовой эпохи Хорезма, отметим, что подобная посуда встречается не только в Хорезме. Она известна прежде всего из раскопок американской экспедиции Пумпелли 1904 г. в Анау из слоя, относящегося к эпохе бронзы. Образцы фрагментов в небольшом количестве изданы в цитированной работе Пумпелли. Обломки такой же посуды типичного андроновского облика были собраны археологами Моск. гос. университета во время археологических разведок в окрестностях гор. Ашхабада в котловинах выдувания в пустыне. К сожалению, культурный слой ни в одном месте находок не сохранился, и лишь обломки сосудов остались на месте когда-то существовавших поселений. Теми же разведками было установлено, что сосуды этого типа синхроничны второму слою Анау, который, таким образом, датируется временем Андроновской культуры—II тысячелетием до н.э. Отдельные находки подобной посуды известны и из других мест Средней Азии. Так, один сосуд такого типа имеется в коллекции, собранной геологом Анбоевым на Никифоровских землях в пределах гор. Ташкента при разработке карьеров для кирпичных заводов. Сосуд был обнаружен на глубине 1,85 м под небольшим плоским холмиком, возвышающимся над поверхностью земли на 0,5—0,7 м. Рядом с сосудом находились кости человека. Очевидно, на этом месте была разрушена взрывом древняя могила под насыпью кургана. Сосуд сделан от руки из темной глины с примесью мелких зерен известняка, кварца и слюды. Дно его плоское, переход от невысокой шейки к сильно выпуклым

¹ R. P u m p e l l y, Explorations in Turkestan, expedition of 1904, «Prehistoric civilization of Anau», v. I, Washingt., 1908.

стенкам — резкий, шейка отогнута наружу. Внутренняя поверхность заглажена при помощи тряпки или кожи, наружная поверхность лощеная. Верхняя половина сосуда покрыта орнаментом, нанесенным зубчатым штампом и образующим 2 зоны углов из двойных и тройных параллельных линий и разделенных горизонтальным пояском из 3 параллельных линий. Высота сосуда 12—13 см, диаметр горла—10—10,5 см (рис. 4).

Но особенно близкие параллели андроновским сосудам дает керамика Семиречья. Например, обломки глиняной посуды с Аламединской стоянки, обнаруженной А. И. Тереножкиным на правом берегу р. Аламедин, близ гор. Фрунзе, сходны с керамикой андроновского типа из погребений Западного Казахстана, исследованных М. П. Грязновым, что послужило основанием для датировки Аламединской стоянки

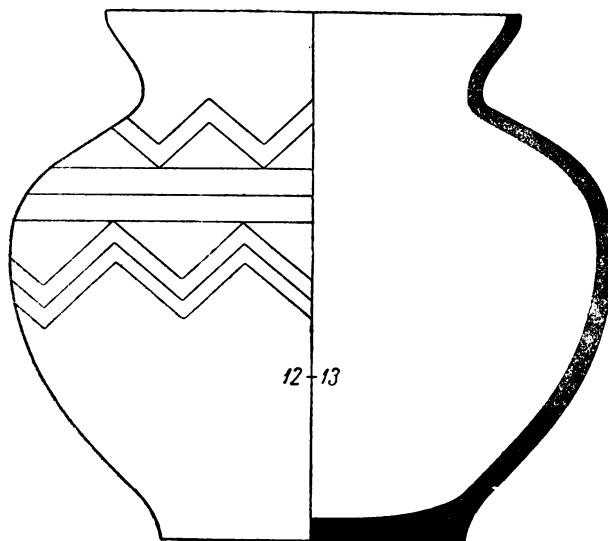

Рис. 4. Глиняный сосуд из-под Ташкента

II тысячелетием до н. э. Погребения андроновского типа известны из районов Семипалатинска, Усть-Каменогорска, а также с Кизил-Су, Кара-Узак, Кокректи, Караджал, Ейгенбулык и Марка-куль.

Однако глиняная посуда срубно-андоновского типа с орнаментом из заштригованных углов, треугольников и ромбов, нанесенным зубчатым штампом или движением острого предмета, встречается и в Приуралье. Кроме типичных андроновских погребений на южном Урале, например в могильниках близ Орска и др., известны несколько стоянок на восточном и западном склонах Уральского хребта, в пределах Башкирской АССР и на Каме, где имеется глиняная посуда срубно-андоновского типа. Таковы Мысовские стоянки на среднем Урале, селище Баланбаш в пределах БАССР, Луговская стоянка Елабужского района Татарской АССР.

В эпоху бронзы и отчасти раннего железа в районе Среднего Урала была развита весьма своеобразная и богатая так наз. Шигирская культура, названная по имени Шигирского торфяника, где она была впервые открыта. Это была в основном культура оседлых охотников и рыбаков, сильно отличавшихся от обитателей степей и по хозяйству и по укладу жизни. Однако между древним населением Среднего Урала и его юго-восточными и юго-западными соседями можно отметить некоторые культурные связи. Так, исследователь Горбуновского торфяника Д. Н. Эдинг среди своеобразной местной глиняной посуды отмечает 2 группы, связанные—одна с Донецкой катаномбной культурой степей юга России, другая—с Андроновской, бытовавшей в степях Зап. Сибири и Приуралья. Особенно ярко выражен орнамент андроновского типа на глиняных тарелках, посуде, связанной с жертвенным местом на Горбуновском торфянике. Но, кроме культурных связей с соседями, которые обычно наблюдаются у населения почти

всех районов эпохи бронзы, следует отметить один интересный факт. Среди находок с Горбуновского торфяника имеется большая группа деревянных предметов, сохранившихся благодаря залеганию под слоем торфа, и среди них — деревянный бумеранг. Исследователь Анау Пумпелли, описывая деревянные орудия из нижнего слоя северного кургана, относящегося к эпохе бронзы, также упоминает о находке бумерангов. Возможно, что это — случайное совпадение, однако может быть, что некоторые деревянные орудия были распространены более широко, чем это известно в науке, но сохранились лишь в исключительных случаях.

Рис. 5. Керамика срубного типа Луговой стоянки близ г. Елабуги (ТАССР)

Рис. 6. Плоское тесло из Царева Кургана, аналогичное теслам из Сукулукского и Верхне-Кизилско-го кладов

Итак, в эпоху развитой бронзы Средняя Азия и Приуралье входили в ареал распространения керамики срубно-андроновского типа, куда входили также Западная Сибирь и Северный Кавказ. В отношении последнего особенно интересны раскопки последних лет, произведенные А. И. Крупновым. Во время обследования остатков древнего поселения под раннескифским слоем была обнаружена керамика срубно-андроновского типа, отчасти аналогичная глиняной посуде из доскифских слоев Кобыкова городища, раскопанного А. А. Миллером на Нижнем Дону в 1924 и 1925 гг.¹

Перейдем к характеристике бронзовых орудий труда, найденных в области распространения глиняной посуды срубно-андроновского типа, к которой принадлежали оба интересующие нас района — и Средняя Азия и Приуралье. Рассматривая бронзовые орудия Казахстана, Алтая и Минусинского края, М. П. Грязнов² подчеркивал, что вначале, в ранней бронзе, все эти области принадлежат одной культуре — Андроновской с одинаковыми орудиями на всей ее территории. Возьмем еще более широкую

¹ А. А. М и л л е р, Северо-Кавказская экспедиция 1924 и 1925 гг., «Сообщения ГИИМК», I Л., 1926.

² М. П. Г р я з н о в, Погребение бронзовой эпохи в Зап. Казахстане, сб. «Казахи», под ред. Руденко.

территорию и сравним 3 однородные группы бронзовых предметов, относящихся к эпохе бронзы: Сукулукский клад из Семиречья, Верхне-Кизилский клад из Уральской области и группу бронзовых предметов с Царева Кургана Куйбышевского района. Сукулукский клад, обнаруженный случайно во время строительных работ на правом берегу р. Сукулук в Семиречьи, состоит из 17 предметов — 3 вислообушных топоров, 3 клиновидных тесел, 3 долот, 3 зеркала, 2 наконечников копий, 2 проколов и 1 конической втулки наконечника. Группа бронзовых предметов с Царева Кургана состоит из вислообушного топора, 4 ножей, 2 плоских тесел, желобчатого долота, 3 серповидных наконечников стрелы, причем серп и наконечник стрелы являются предметами более поздними. Верхне-Кизилский клад состоит из бронзовых топоров, оставшихся у крестьян, 11 браслетов, 2 колец, 3 гривен, нескольких пронизок, 3 бляшек в виде пальметок, спирали, нескольких ножей, 2 серпов, долота, наконечника копья, плоского тесла, рыболовного крючка, шила и глиняного сосуда. Сравнивая категории предметов, мы видим во всех 3 группах бронзовые топоры. Какие топоры были в Верхне-Кизилском кладе — неизвестно, так как они остались у крестьян для собственного употребления, но можно думать, что это были, вислообушные. Во всех 3 груп-

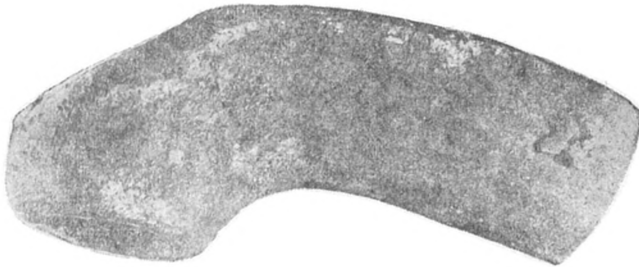

Рис. 7. Вислообушный топор из Царева Кургана (1/2 н. в.)

пах мы находим втульчатые и плоские долота и кинжалы или ножи. Следует заметить, что вислообушные топоры и ножи или кинжалы с Царева Кургана и из Сукулукского клада принадлежат к разным типам, так же как браслеты Верхне-Кизилского клада и Царева Кургана, так же как втульчатые долота всех 3 памятников. Но все бронзовые предметы, входящие в их состав, типичны для Срубно-Андроновского времени в Зап. Сибири, Поволжье и Приуралье. Так, те же типы бронзовых орудий мы находим в Турбинском могильнике, находящемся при впадении в Каму р. Чусовой, причем для памятников срубного типа характерны обоюдоострые ножи с выступами у основания рукоятки, а для памятников андроновского типа — ножи или кинжалы листовидной формы с выпуклым стержнем посередине. Еще большее сходство представляют собой отдельные предметы. Так, серповидные орудия из Семиречья совершенно подобны так называемым серпам из Казанской губернии, а бронзовый кинжал оттуда же одинаков с кинжалом из городища Грохань, находящегося при впадении Вятки в Каму.

В коллекции вышеупомянутого Турбинского могильника имеется бирюзовая бусина и нефритовые кольца. Ближайшие месторождения бирюзы — в Средней Азии и Иране, а нефрита — в Вост. Туркестане.

Отмеченное сходство бронзовых орудий, происходящих из очень удаленных один от другого районов, подчеркивает культурную общность, которая существовала в эпоху бронзы между культурами степей Зап. Сибири, Поволжья, Приуралья и Средней Азии и о которой мы уже говорили на основании близости форм и орнамента глиняной посуды.

Таким образом, мы видим, что в эпоху бронзы Средняя Азия, степная Зап. Сибирь, Сев. Кавказ, Среднее и Нижнее Поволжье и Приуралье входили в одну обширную культурную область древних степных культур, область, представляющую собой огромное пространство, не разделенное никакими непреодолимыми естественными преградами — ни высокими горами, ни массивами лесов, ни большими водными бассейнами —

и дающее широкий простор и большие возможности для передвижения отдельных этнических групп, развития культурных связей, для обмена и кочевого скотоводства. В то же время находки бронзовых серпов и исследование остатков стоянок этого времени доказывают, что, наряду со скотоводством, существовало и местами являлось преобладающим занятием отдельных групп древнего населения земледелие и имела место связанная с ним оседлость.

А. В. Збруева

Легенды родосских амфор

Одним из самых распространенных предметов в городищах нашего юга являются фрагменты остродонных амфор. Детальное изучение их по местам производства помогает выяснить торговые пути на нашем Черноморье из средиземноморских и малоазийских центров, объем этой торговли и ее колебания во времени.

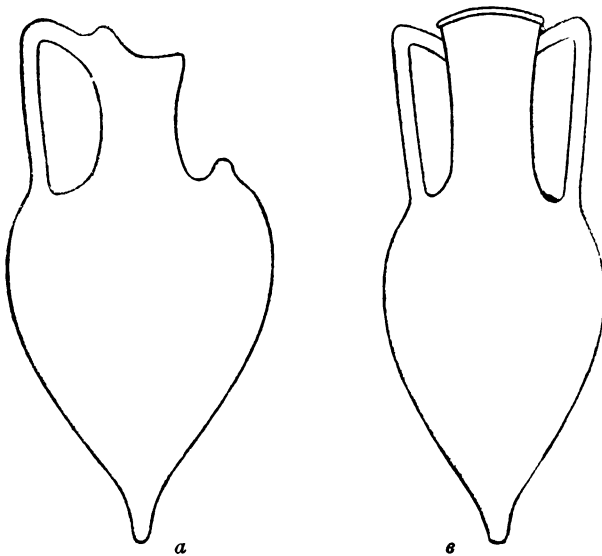

Рис. 1. Типы родосских амфор: *a*—ранний тип (конец IV—III вв. до н. э.), *e*—поздний тип (II—I вв. до н. э.)

Клейма амфор представляют собой очень разносторонний памятник, они дают возможность определить по эмблемам, по характеру имен, по диалекту место изготовления амфоры; а по формам букв, по характеру изображения эмблем, по грамматическим формам—ее время.

Родосская амфора была описана многими учеными: А. Дюмоном¹, К. Шухгартом², В. М. Придиком³. Последний дает также прекрасную фотографию единственной (хранящейся в Эрмитаже) целой родосской амфоры из Танаиса, раскопок П. М. Леонтьева 1853 г.⁴ Ручки имеют очень характерный, свойственный только родосским амфорам, прямой угол в изгибе. Они в разрезе имеют почти форму круга. Эти два свойства родосских ручек резко отличают их от ручек амфор из других центров. Глина—бледно-розовая снаружи и яркорозовая при изломе, прекрасно промешанная и обожженная

¹ A. D u m o n t, *Inscriptions céramiques de Grèce*, Paris, 1872, стр. 8.

² C. S c h u c h a r d t, *Inschriften von Pergamon*, II, стр. 429.

³ В. М. П р и д и к, *Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания*, стр. 1.

⁴ Там же, рис. 1.